

МЕНТАЛИТЕТ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

© 2007 г.

М.А. Шими́на

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

MariaShimina@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.03.2007

Парадокс в том, что крупные историки, философы, этнографы и психологи, другими словами, не социологи почти единодушно считают, что «менталитет» относится к социологическим понятиям, а социологи практически не используют его ни в области эмпирии, ни в области теории. Цель статьи состоит в том, чтобы на основе анализа различных подходов определить границы феномена ментальности и наметить пути интериоризации понятия «менталитет» в структуру социологического знания.

О менталитете говорят и в научных, и в политических, и в журналистских кругах. Причем большинство исследователей, не являющихся социологами, полагают, что феномен ментальности должен быть объектом социологического анализа. Однако, за редким исключением, социологи обходят это понятие стороной, используя более удобные для операционализации понятия. Цель этого теоретического дискурса состоит в том, чтобы определить пути интериоризации понятия «менталитет» в структуру социологического знания.

Понятие «менталитет» относится к заимствованным категориям, перенесенным в наше обществоведение из зарубежной социологии. Его освоение и распространение можно оценить как составную часть вестернизации нашей науки и публицистики.

Термин «менталитет» берёт свое начало от позднелатинского слова *mens, mentis* – «сознание, мышление, ум, рассудок», в чем можно удостовериться, заглянув в любой словарь латинского языка. Уже в этой многозначности изначально заложена возможность самого широкого толкования и применения этого слова. Оно активно употребляется в большинстве европейских языков и повсюду звучит примерно одинаково. Так, в немецком «*die Mentalität*» – это образ мысли, склад ума, в английском «*mentality*» – умственное развитие, склад ума, умонастроение, во французском «*mentalité*» – направление мыслей, умонастроение, направленность ума, склад ума и т.д. Из этого многообразия важно отметить изначальную этимологическую привязанность понятия к человеческому сознанию, мышлению, умственной деятельности.

В английском научном языке термин «менталитет» употребляется с середины XIX

века, в немецкой научной терминологии – со второй его половины, во Франции его использовал еще М. Пруст. Первенство в применении и изучении термина «менталитет» принадлежит французским ученым. В 30-е годы XX века группа историков под руководством Марка Блока и Люсьена Февра создали школу, получившую название «Анналов». Так назывался журнал, в котором они печатали свои исследования по менталитету, стремясь сориентировать историческую науку на то, чтобы свернуть с пути исследования объективных социально-экономических процессов на анализ структур духовной жизни. Менталитет для них – центральный узел или своеобразный стержень исторического процесса. С того времени и до наших дней слово «менталитет» стало связываться со школой «Анналов» во Франции, Англии, США и в других странах. Для ученых школы «Анналов» менталитет – это своеобразные установки сознания. Менталитет, по их мнению, включает в себя базовые понятия и представления о человеке, обществе, природе и Боге. Но главное, что все эти понятия и представления не подвергнуты логической систематизации, не пропущены через логическое осмысление. Они связаны не столько с сознанием, сколько с подсознанием. Они регулируют поведение человека, а не его мысль. Французские ученые рассуждают следующим образом: при помощи мышления, сознания человек познает мир. Менталитет – это манера понимания мира, истолкование мира, а не его познание. Для создания «модели мира», истолковывания его, понимания его сути, человек использует «неотрефлексируемые» впечатления, совокупность представлений и образов – это и есть менталитет. Значит, мышление – это познание мира, а менталитет – это манера мышления человека, его склад ума,

его особенность, своеобразие его как личности. Так раскрывают сущность менталитета французские исследователи [1, с. 4].

Менталитет – осмысление мира, прежде всего с помощью образов, окрашенных эмоциональными и ценностными ориентациями, тесно связанными с традициями, настроением, чувством.

В «Большом энциклопедическом словаре Ларусса» менталитет определяется как «совокупность умственных привычек, верований, психических установок, характерных для какой-либо общности или группы... Это совокупность манер поведения, мышления, суждения о чем-либо, моральные установки, склад мышления» [1, с. 6]. Таким образом, речь идет не столько о системном характере менталитета, а сколько о некоей, включенной в это понятие совокупности различных явлений духовной жизни.

В Германии в 1993 г. предприняли попытку дать развёрнутое толкование понятия «менталитет». Была издана фундаментальная обобщающая работа более чем тридцати авторов под общей редакцией профессора П. Динцельбахера «Европейская история менталитета». Авторы осуществили всесторонний обзор проблем, входящих, по их мнению, в содержание европейского менталитета, сведя его к следующим основным моментам: индивидуум-семья-общество; сексуальность-любовь; религиозность; тело и душа; болезни; радость; счастье и страдание; работа и праздник; возрастные особенности; умирание и смерть; страхи и надежда; общение; чужое и собственное; власть, право; природа и окружающий мир; пространство; время и история [2, с. 97–98]. Приведённый перечень проблем дает представление не только о богатстве содержания ментального феномена, но и свидетельствует о так и не устоявшихся представлениях о его сущности. Иными словами, каждый из исследователей наполняет термин тем содержанием, которое кажется ему более значимым и удобным.

Так, американский ученый Д. Филд указывает, что менталитет коренится в материальной жизни и широко распространен в значительной части населения. Он оказывает непосредственное влияние на экономические, политические и социальные отношения. По его мнению, «менталитет молчалив: он проявляется скорее в деятельности, чем в речи или в явном представлении» [3, с. 8].

В нашей же научной литературе существует большое разногласие в том, что должно

вкладываться в понятие «менталитет». Для отечественных исследователей характерно понимание менталитета в основном как общественного явления, обладающего качествами, свойственными той или иной нации, и, тем самым, определяющего ее лицо.

Что касается российской истории и ее ментального содержания, то можно сослаться на исторические портреты В.О. Ключевского, написанные по принципу «Личность в контексте эпохи». В своих исследованиях характера россиян Ключевский учитывал географический фактор, природную среду, материальные и социальные условия жизни. По его мнению, если речь идет о конкретном человеке, то имеет значение вся совокупность окружающих его обстоятельств, формирующих характер поведения от рождения до последних дней [4].

Другой русский историк, С.М. Соловьев, критиковал отечественную интеллигенцию за недостаточное внимание к изучению умонастроения низшего класса, и поэтому она оказалась не способной правильно оценить отношение крестьянства к свободе, дарованной реформой 1861 г. [5]. Проблема менталитета российского крестьянства и крестьянского сообщества – общины хорошо отражена в материалах международной конференции «Менталитет и аграрное развитие России», изданных в 1996 г.

Развернутое определение менталитета попытался дать Г. Бутуль в монографии «Менталитет», изданной в 1952 г. Он пишет: «Менталитет – это совокупность идей и интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом логическими связями или же отношениями веры... наш менталитет находится между нами и миром как призма» [1, с. 5]. Очевидно, что Г. Бутуль пытается связать понятие «менталитет» не с подсознанием, а с верой. Он определяет место менталитета между миром и субъектом, воспринимающим этот мир как бы через призму. Таким образом, менталитет, по мнению Г. Бутуля, – это манера восприятия мира.

В словаре Ожегова слово «менталитет» называется «книжным» и определяется как «мировосприятие, умонастроение» [6, с. 358]. Такое определение менталитета, хотя и иллюстрируется примером «менталитет русского народа», совершенно недостаточно. И дело здесь не столько в изначальном смысле слова, сколько в сути отражаемых в нем явлений. По мнению Е.А. Ануфриева и Л.В. Лесной, больше правы те, кто обращает

внимание на то, что менталитет, не имея четко выраженной логической формы, обладает определенной системностью, отличается как от правосознания, так и от верования. Это скорее совокупность образов и представлений, которыми руководствуется человек или группа людей. Скорее всего, менталитет лежит между двумя формами познания: рациональным и религиозным, взаимодействуя как с первым, так и со вторым [7, с. 24]. Е.А. Ануфриев и Л.В. Лесная сформулировали следующее понятие: менталитет – это обобщенное социально-психологическое состояние субъекта (народа, нации, народности, социальной группы, человека), сложившееся в результате исторически длительного и достаточно устойчивого воздействия естественно-географических, этнических, социально-политических и культурных условий проживания на субъект менталитета, возникающее на основе органической связи прошлого с настоящим. Складываясь, формируясь, вырабатываясь исторически и генетически, менталитет представляет собой совокупность социально-политических качеств и черт, их органическую целостность (менталитет россиян, немцев, французов, украинцев, белорусов, чеченцев, сербов и т.д.), определяющую многие стороны жизнедеятельности данной общности людей, проявляясь в их духовной и материальной жизни, в специфике общественных отношений, социальных и политических институтах.

Можно отметить имеющиеся примеры применения менталитета в работах о будущем российского образования. Этому посвящена значительная часть книги Б.С. Гершунского «Философия образования для XXI века». Свою образовательную концепцию автор строит на основе широкого понимания менталитета, обосновывая его роль в системе ценностей и целей российского образования XXI века. Б.С. Гершунский обосновывает необходимость социологических исследований индивидуальных и групповых характеристик ментальности, указывая в то же время на методологические трудности в исследованиях ментальности социума, находящего свое материальное воплощение в культуре. «По существу, менталитет социума – производная от широко понимаемой культуры, хотя и сам менталитет порождает и изменяет культуру» [8, с. 133].

Л.Н. Пушкарёв и ряд исследователей находят, что более полно и точно (но не абсолютно, конечно) передать смысл слова «менталитет» можно с помощью термина «духовный мир», давно уже используемого в

научной литературе. [9, с. 164]. Ведь духовный мир – это своеобразный итог, результат духовной деятельности человека. Менталитет также постоянно действующее активное начало в деятельности человека, это своеобразный фермент, не только стимулирующий эту деятельность, но и нередко определяющий поведение человека и его отношение к окружающему миру.

По убеждению В.К. Трофимова, столь популярный сегодня в научных изданиях термин «менталитет» по своей сути есть фактически не что иное, как более современный научный эквивалент категории «социальный характер», а слову «национальный характер» соответствует понятие «национальный менталитет». «Национальный менталитет – это глубинная суть национального характера, в которой выражены самые важные внутренние сущностные качества национального характера» [10, с. 64]. По мнению В.К. Трофимова, на уровне сущности национальный менталитет включает в себя устойчивые внутренние, глубинные, нередко потаенные коллективные представления, ценности, мыслительные и эмоциональные конструкции, свойственные тому или иному народу, а на уровне явления он предстает как внешнее обнаружение внутренних ментальных свойств народа в специфике организации социальной и политической жизни, а также в опредмеченных продуктах материальной и духовной культуры народов, несущих национальную окраску [10, с. 70].

Совершенно очевидно, что в наше время понятие «менталитет» связано с особенностями общественной жизни, с теми путями, которыми предстоит идти России. Если она выберет западный путь, то положительное отношение к российской традиции, истории, менталитету вряд ли будет способствовать этому процессу. И наоборот, признание менталитета в качестве основной характеристики российского социума обращает нас к истории, традициям народа, к патриотизму. Эта мысль отчетливо прослеживается в книге А.С. Панарина «Искушение глобализмом». «Сегодня, – пишет А.С. Панарин, – когда «либеральные» теоретики-публицисты рассуждают о тоталитаризме, они делают упор на «туземные» корни – на традиции русской общины, на причуды неисправимого национального менталитета, словом – на особенности природы русского человека» [11, с. 19].

Понятие менталитета близко по своему смыслу к таким терминам, как архетип,

мировоззрение, ценностная ориентация, идеология [12, с. 48]. Однако менталитет, несмотря на такую близость, не сводится ни к одному из них и не исчерпывается даже их совокупностью. Сравнивая менталитет и архетип, можно увидеть, что общим у них является то, что они означают собой групповые представления людей, их своеобразную память и по своему содержанию «погружены» в бессознательный слой души человека. Однако между этими феноменами существует и глубокое различие, которое связано с тем, что если архетипы, как их понимал К. Юнг, это неизменные образы мира, унаследованные людьми от своих предков, и одинаковые у всех индивидов и социальных групп человечества, то менталитет более динамичен и имеет дифференцированный характер, поскольку различные социальные общности обладают неодинаковым менталитетом. Тем не менее, несмотря на столь существенное различие, содержание архетипа и менталитета во многом совпадает, поэтому в ряде случаев национальный менталитет исследуется через призму национальных архетипов [13, с. 395–411].

Менталитет, как специфическая форма коллективного сознания, влияет на оценку событий, и в этом обнаруживается его связь с ценностными ориентациями и мировоззрением. Но, в отличие от последних, он обладает более синкретическим характером, ибо менталитет шире по объему, а его основу составляют не рациональные, а бессознательные структуры [12, с. 48]. Менталитет, как и идеология, связан с интересами определённых социальных групп и во многом влияет на поведение личности. Однако если в идеологии социальная общность осознает свои интересы и может формулировать их в виде теоретических конструкций, то менталитет восходит к бессознательному слою душевной жизни и не может быть до конца выражен в рационально-теоретической форме.

Таким образом, можно сделать вывод, что ни у зарубежных, ни у отечественных ученых до сих пор нет единого определения понятия «менталитет». Каждый исследователь употребляет его в том виде и смысле, который кажется ему наиболее приемлемым и удобным. По нашему мнению, понятие «менталитет» по отношению к народу приближается по смыслу к понятиям «национальный характер», «народный дух». В широком смысле, менталитет – это вся духовная оснащённость человека и общества, их традиции, ритуалы и т.д. При этом обычно менталитет молчалив и

проявляется скорее в повседневной будничной деятельности людей, а не в их речи или каких-либо ясных представлениях.

Удивительно то, что менталитет больше относят к этносу, а не к другим социальным общностям. И он так же трудно поддается определению, как и этнос. На трудности определения этноса обращал внимание еще Л.Н. Гумилев, полагая, что этнос скорее дан в ощущениях, нежели в понятиях [14, с. 48]. Вместе с тем границы явления едва уловимы в пространстве между индивидом и коллективом, между бессознательным и сознательным [15, с. 176]. В силу этого можно предположить, что речь идет о холистических свойствах, которые нельзя разложить на атомы-признаки (любой такой признак может и не относиться к ментальности). Иногда говорят об эмерджентных свойствах, которые являются сверхчувственными, но в то же время не поддаются рациональной логической обработке. Стало быть, открываются перспективы для феноменологии, герменевтики и идиографических методов в целом, с помощью которых возможна расшифровка феномена ментальности. Среди известных конструктов, которые могли бы приблизить эту расшифровку, можно было бы назвать «ноэсис» – понятие, разработанное Э. Гуссерлем. Понятие описывает поток переживаний вне контекста отношения к самим переживаниям. Проще говоря, речь идет о жизненном опыте человека, который не подвергся рефлексии. Думается, что менталитет попадает как раз в структуру неотрефлексированного человеческого опыта, существуя как один из смыслообразующих факторов опыта. Так же как и этнос, он попадает в диспозицию «мы – они», являясь объединяющим началом индивидов, которые полагают себя «своими» по отношению к другим.

В таком случае возможно присвоение термина со стороны социологов, но социологов, работающих в рамках феноменологической парадигмы. Для обнаружения холистических структур ментальности необходимо погрузиться в пучину повседневности и обратиться к арсеналу понимающей социологии. Другого пути, на наш взгляд, нет.

Список литературы

1. Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв.: Сборник статей / Отв. ред. Л.Н. Пушкарёв. М.: РАН. Ин-т рос. истории, 1996. С. 3–10.

2. История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Ин-т всеобщ. истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. 254 с.
3. Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы междунар. конф. Москва, 14–15 июня 1994 г. Отд-ние истории РАН. М.: Росспэн, 1996. 439 с.
4. Ключевский В.О. Исторические портреты: Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1991. 349 с.
5. Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. М.: Республика, 1992. 349 с.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 955 с.
7. Ануфриев Е.А., Лесная Л.В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен. // Социально-политический журнал. 1997, № 3. С. 16–27.
8. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. М.: Флинта, 1998. 428 с.
9. Пушкарёв Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166.
10. Трофимов В.К. Менталитет русской нации: Учебное пособие. Ижевск: Иж ГСХА, 2004. 271 с.
11. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 416 с.
12. Веремьев А.А. Введение в культурологию: Учебное пособие. Брянск: Курсив, 2000. 248 с.

13. Культурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Научн. ред.: д.ф.н. Г.В. Драч. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. 575 с.

14. Гумилев Л.Н. Сочинения. Этногенез и биосфера Земли. М.: Библ. информ. об-ние «Танаис», 1994. 637 с.

15. Малахов В.С, Филатов В.С. Современная западная философия. Словарь. М.: Политиздат, 1991. 414 с.

MENTALITY AS A SOCIOLOGICAL CATEGORY

M.A. Shimina

Paradoxically enough, prominent scholars of history, philosophy, ethnography and psychology - in a word, non-sociologists - almost unanimously regard mentality as a sociological notion, while sociologists find virtually no use for the term in either empirical or theoretical studies. This paper analyses different approaches to and aims at determining the boundaries of the phenomenon of mentality. It also contemplates possible ways of integrating the notion of mentality into the body of sociological knowledge.